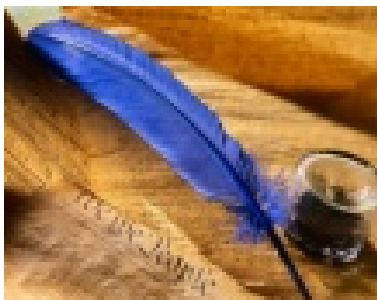


Кристина АЛЕКСАНДРОВА (пос. Деденево, Дмитровский р—он, Московская обл.) **ЖА
СМИНОВАЯ ВЕТКА**



Запах жасмина витал в воздухе. Она любила этот пьянящий аромат, но сегодня в первый раз за всю ее жизнь он показался ей слишком приторным. Именно сегодня, именно в этот день все было иначе, даже летнее солнце не могло ее согреть. Она сидела в плетеном кресле, укутавшись в плед, все еще не понимая, что происходит у нее внутри. Виной этому смятению была маленькая синичка, которая рано утром постучалась в окно. Плохая примета. Нет, она не была суеверной, но ее холодные ладони стали липкими от пота. Так случалось каждый раз, когда она сильно волновалась. Нажав кнопку на телефоне, она прослушала сообщение на автоответчике. Это был ее муж. Характерным лишь ему мягким голосом он сообщал, что вернется ровно через четыре дня. Она никак на это не отреагировала и, больше того, могло показаться, что она не услышала ни единого слова. Не скидывая с себя пледа, она подошла к зеркалу и словно впервые осознала, что уже не молода. Ей было сорок шесть, но всю жизнь играя сама с собой в прятки, она запуталась в том, сколько лет прожила в чужой шкуре. Ее лицо не сияло как прежде, вокруг миндальных глаз появились морщинки, но утонченная фигура оставалась такой же стройной, как и в юном возрасте. Она позволила себе выпить коньяку в полном одиночестве, хотя раньше считала, что это аморально.

Ее разбудил телефонный звонок. Она подняла трубку, но ничего не сказала.

— Это Эльвира? — спросил холодный женский голос.

— Да, — ответила она, все еще не понимая, кто на другом конце провода.

— Он умер...

Затем она услышала короткие гудки. На ее лице не было слез, она выглядела скорее отрешенной, чем расстроенной. Вот и все. Он исчез из ее жизни навсегда. Она ненавидела его еще больше, чем когда бы то ни было. Все эти двадцать лет она безуспешно пыталась выбросить его из своей головы. Она вышла замуж, родила дочь, но так и не смогла почувствовать себя родной в своей семье. Ей казалось — все это не с ней, все это — кино, в котором она играет роль, но так и не дожидается заветного: «Стоп! Снято!»

Она проклинала эту синицу, проклинала себя и его за то, что он так и не попрощался.

Стоя за деревом в нескольких метрах в черном пальто, платке и солнечных очках она чувствовала себя грязной любовницей (коей никогда не являлась), которая посмела явиться на похороны в присутствии законной жены. Она наблюдала издали за людьми в черном, которые, не сдерживая эмоций, оплакивали: и любимого мужа, и доброго отца, и верного друга, и незаменимого коллегу. Не в силах больше сдерживаться она повернулась затем, чтобы направиться к выходу, но рука, дотронувшаяся до плеча, заставила ее остановиться. Она обернулась и увидела молодую женщину, лицо которой источало необъяснимую боль.

— Там, в больнице... Он звал тебя, он называл твое имя. Я хотела, чтоб ты знала это.

Не сказав больше ни слова, она развернулась и ушла. Это была его жена. Женщина, которая посвятила себя мужу, и которая так никогда и не была им любима.

Единственную женщину, которую он любил всю без остатка, до самой своей смерти, звали Свобода. Так он и погиб в очередной раз, бросая вызов своей судьбе. Он спускался с только что покоренной им вершины, но страховка, которая служила ему уже не первый год, перетерлась об острый выступ на скале. После падения он остался жив,

но шансы были слишком малы, тем более в его возрасте. Он умер в больнице через два дня после того происшествия и всего лишь единственный раз пришел в сознание.

Ему был пятьдесят один год, но даже смерть не испортила его гладкое смуглое лицо; жесткие волосы, седые лишь у висков, как и прежде, искрились на солнце. От этого становилось еще больнее, казалось, что он все еще жив и просто спит спокойным сном младенца.

Она знала, что вечером вернется ее супруг, но как же ей хотелось отложить его возвращение и побыть одной. Теперь, когда последняя капля ее надежды утонула в глубину, где не было ни лучика света, она почувствовала себя совершенно пустой. В половине третьего раздался звонок. На другом конце провода была ее дочь, которая вместе с мужем уже два года жила в Канаде.

— Мам! Привет!

— Да, я слушаю.

— Ты чем-то расстроена?

— Нет, все в порядке.

— Хочу сообщить радостную новость! Папа рядом?

— Нет, милая, он улетел на конференцию. Вечером будет.

— Ну, тогда обязательно передай ему, что он скоро станет дедушкой!

— ...

— Мам, ты что молчишь?

— Я так растерялась... Прости, милая. Поздравляю.

— Спасибо! Я еще позвоню! Целую, мам.

— И я тебя.

Впервые за весь день она дала волю слезам. Она плакала навзрыд, как обиженный ребенок, громко всхлипывая и стуча кулаками по подушке.

Ей было двадцать два, когда на ее пути показался Он. Смуглый шатен с темными, как ночь глазами, с песнями под гитару — он был само воплощение свободы. Она заканчивала университет, он же шатался без дела, но при этом никогда не был голоден. Никто не знал, откуда он появился в их городе, но уже через неделю он был желанным гостем на любом празднике жизни. Его песнями заслушивались допоздна, от его взгляда лица девушек пылали румянцем, он заражал всех своей легкостью и жизненным оптимизмом. При этом он всегда держался на расстоянии, не заводя ни близких друзей, ни серьезных отношений. Он был то там, то тут, но везде был своим.

Она была наслышана о нем от своих подруг, которые то и дело его обсуждали. Вначале ей было все равно, но постепенно ее интерес увеличивался. На свой день рождения она пригласила почти всех однокашников. Единогласно было решено устроить пикник на лесной опушке. В разгар самого веселья, как грозовая молния посередине лета, он ворвался на праздник без приглашения. Вначале она даже разозлилась непрошеному гостю, но, подумав, сделала вид, будто бы и не заметила его. Он же, напротив, не собирался оставаться в стороне. С букетом из пышных веток жасмина, в смешных коричневых штанах на подтяжках он забрался на пень и запел во весь голос: «С днем рождения, дорогая Эля! С днем рождения тебя!» Она, не ожидая такого нахальства, запустила в него его же букетом из жасминовых веток. В ответ он лишь рассмеялся:

— Да вы дикарка, Эля!

После той встречи она не видела его почти два месяца. Он исчез так же мгновенно, как и появился. Она получила диплом, а вместе с ним и квалификацию журналиста. Ей казалось, что все дороги перед ней открыты, вот только для свершения планов родной город совсем не подходил.

— Ты никуда не поедешь и точка.

Этого было достаточно, чтобы все мечты рухнули, как карточный домик. Но Эльвира знала, что никто не способен переспорить ее мать. Отношения у них были натянуты, словно гитарная струна, и с самого детства Эля старалась избегать острых углов в отношениях с мамой. Отец же, напротив, всегда ее баловал, но втайне от матери. Он был слишком мягким человеком и соглашался со всем, лишь бы не разжигать конфликт. Последнее время отец Эльвиры все чаще пропадал на работе, в своей маленькой мастерской по ремонту обуви.

— Ну, крот, закопался в своих ботиках! — твердила мать.

Теперь время для нее тянулось вечно. Утром она ходила в мастерскую отца, относила ему свежие булочки и зачастую засиживалась там до обеда, слушая рассказы про всевозможные ботинки, полусапожки, мокасины и туфельки. В устах ее отца они становились живыми.

К обеду она возвращалась домой и помогала маме в домашних делах. Вечером гуляла, ходила в кино, чаще всего в одиночестве, ведь почти все ее подруги отправились в свободное плавание.

— Вот выйдешь замуж и езжай куда хочешь! Не думай, что я отпущу тебя одну в чужой город! Кем ты там будешь? Не для этого я тебя растила.

После этих слов ей стало нечем дышать, ни один тигр не будет счастлив в клетке, даже если там есть уют и пища.

С каждым днем она угасала, заветная мечта еле-еле виднелась издалека. О замужестве она и думать не хотела. Впервые она вспомнила о нем, позавидовав его свободе. Он волен делать всё что угодно, да хоть сесть в поезд и умчаться на другой конец света!

У них был небольшой двухэтажный домик с маленьким огородом вокруг. Внизу кухня, гостиная и комната родителей, но в ней уже давно жила только мама Эльвиры, отец же предпочитал ночевать в гостиной. Эльвира давно знала о разладе родителей и не понимала, почему они до сих пор живут вместе. Наверху была комната Эльвиры и маленькая комнатка, устроенная под библиотеку, это было второе место после мастерской, где ее отец находил покой и уют. Мать Эльвиры туда почти не заходила, даже для того, чтобы вытереть пыль, копившуюся там месяцами.

Была теплая июльская ночь, она открыла окно, чтобы впустить в комнату ночную прохладу. Сон не шел, и, включив ночник, она отыскала старый фотоальбом. Листая детские фото, она вспоминала, как была счастлива и беззаботна. Молодые родители приветливо улыбались ей с фотографий, и она подумала — интересно, они улыбались фотографу, или на самом деле были счастливы? Те времена, когда папа крепко обнимал маму, она помнила смутно, возможно, поэтому мысль о замужестве казалась ей чем-то невообразимым. Шорох за окном отвлек ее от воспоминаний. Она подошла к окну, чтобы понять причину странного шума. Отодвинув шторы и увидев в окне чье-то лицо, она

отскочила, приземлившись на кровать.

— Не бойся, дикарка!

Услышав знакомый голос, Эльвира немного успокоилась.

— Что ты здесь делаешь?! Я сейчас закричу!

— Нет, нет, не стоит. Я вернулся за тобой.

Она сделала удивленное лицо.

— Не понимаю, о чем ты?

— Ты же хочешь поехать со мной?

— С чего ты взял?

— Завтра в четыре на вокзале. Буду ждать. Если не придешь, то вряд ли мы еще когда-то увидимся.

Он ловко соскочил вниз и скрылся в ночной тьме. На всякий случай она закрыла окно. Все еще пребывая в шоковом состоянии, Эльвира выключила ночник и спряталась с головой под одеяло. Всю ночь не смыкая глаз она впервые всерьез задумалась о побеге. Вот только одна она на это не решилась бы. Но теперь она не одна, возможно такой шанс выпадает единожды. Чувство страха перед неизвестностью окутывало ее, но

вместе с ним что-то приятное разливалось по телу. Возможно, это было чувство предстоящей свободы.

Утром она собрала дорожную сумку, взяла все самое необходимое. Достала из тумбочки скопленную небольшую сумму денег и спрятала во внутренний карман сумки, после чего затолкала ее под кровать, чтобы никто не заподозрил ее в побеге. Она испортила несколько листков, пытаясь написать письмо для папы. Да и что тут напишешь? Прости, папа, я сбежала, сама не знаю куда? Но не объяснить, хотя бы в письме, причину своего побега она не могла. Было два часа дня, когда она дописала письмо и положила его в книгу вместо закладки. Она знала, что папа обязательно обнаружит его там.

Все утро она пыталась не встречаться с матерью взглядом и от волнения еле проглотила свой завтрак. К счастью, никто не заметил перемен в ее поведении, и сразу после завтрака она закрылась в своей комнате.

В тринадцать она выскользнула из дома, не подарив ему прощального взгляда. Троллейбус останавливался недалеко от вокзала, и чем дальше он отъезжал от дома, тем больше закрадывались у нее в душе сомнения. «Может, выскочить на остановке и бегом пуститься домой? Сделать вид, что ничего и не было и продолжить плыть по течению?» Ее руки дрожали, но она так и не выскочила на остановке. Без пятнадцати четыре она уже была в назначенном месте. Не поднимая глаз, ходила из стороны в сторону, все еще борясь с собой. Казалось — пока не поздно, еще можно вернуться, но она оставалась на месте, сама не осознавая, на какую авантюру решилась.

Он прибыл вовремя, и было заметно, что он рад ее видеть.

— Здравствуй, дикарка!

— У меня имя есть, — обиженно проговорила она.

В один миг он сделался серьезным.

— Нам нужно идти.

— Куда мы едем?

Но он не ответил на ее вопрос.

— Ваши билеты? — спросила проводница.

Он что-то прошептал ей на ухо, та заулыбалась и что-то прошептала в ответ. Она стояла в стороне и чувствовала себя не в своей тарелке.

— Ну что ты стоишь? Пойдем.

Поезд все дальше и дальше отъезжал от городка, в котором она провела немалую часть жизни, оставаясь лишь воспоминанием.

— Не доставай вещи, нам выходить через несколько станций.

— Куда мы едем? — повторила она.

— Не знаю,— спокойно ответил он.

Она задумчиво смотрела в окно, вспоминая слова, которые написала для папы. Сможет ли он ее простить? Обрывки письма проносились перед ее глазами.

... Дорогой папа! Ты знаешь, как я мечтала уехать... Не знаю, сможешь ли ты простить меня, но для меня это единственный шанс добиться чего-то самой в этой жизни.

... Вряд ли мама поймет меня, но прошу тебя, передай ей, что со мной все будет хорошо, и я не посмею опозорить ее в глазах других.

... Я буду звонить при первой же возможности. Я люблю тебя, пап.

PS: Тот башмак (который беззаветно влюблен в неприступную туфельку) окончательно разбил мое сердце. Мне будет очень тебя не хватать...

Твоя Эля.

— Выпьешь чаю?

— Что?

Через пару станций им пришлось выйти из поезда, так как зашли пассажиры с билетами, и их небольшое путешествие закончилось на станции без названия.

— И что делать будем?

— Не паникуй. Освоимся.

Ее волнение было оправданно, вокруг не было ни одной живой души, а трава с нее ростом росла повсюду.

Они прошли вдоль платформы и побрели по тропинке, которая вела неизвестно куда.

Некоторое время они шли молча, но потом он нарушил молчание.

— Знаешь, я не могу сидеть на одном месте, я все время куда-то иду.

— А родители?

— Мне кажется, они уже смирились.

— ...

— Не знаю, когда наступит то время, когда я захочу остаться на одном месте. Наверно, это будет не скоро. Сейчас только горные вершины манят меня, — он засмеялся.

— Мы будем лазить по горам? — удивилась она.

— Нет, я не стану так рисковать тобой, и тем более не оставлю у подножья горы. Мы будем покорять города.

— Видимо, это и есть первый город? — пошутила она.

— Верно подметила.

Узкая извилистая тропинка привела их к шоссе, а в ста метрах виднелась автобусная остановка. Не в силах больше идти, она села прямо на обочину.

— Вот, выпей воды,— сказал он, протягивая фляжку.

Она жадно пила воду, пока ей не стало немного лучше.

— Спасибо, — поблагодарила она,— Нам нужно идти?

— Да. Надо добраться до остановки, осталось совсем немного.

Он взял ее сумку, и они двинулись дальше. Машин на шоссе почти не было, и он даже подумал: «А ходят ли здесь автобусы?» Но промолчал, он всегда казался во всем уверенным и не желал портить этот образ.

К счастью, автобус подъехал даже раньше, чем они дошли до остановки.

От усталости она уснула, положив голову на его плечо, а он, сохраняя свой немного отстраненный вид, смотрел в окно. Мимо пролетали поля с ярко-желтыми подсолнухами, старые деревушки и зеленые луга, местами усеянные разноцветными люпинами.

Постепенно пейзаж менялся, леса и поля остались позади, а в окне показались многоэтажные дома, спешащие куда-то люди, всевозможные магазины и прочие атрибуты города. Он разбудил ее, осторожно похлопав по плечу. После сна у нее немного припухли глаза и губы, но ему она показалась особенно милой. Этот город был ему знаком. Однажды приехав сюда, ему пришлось задержаться тут на целый год.

Гостиница, в которой они решили остановиться, выглядела более чем изысканно. Мраморные полы, бархатные шторы темно-алого цвета, огромные люстры из хрусталя — все это было классикой, но все равно поражало своей красотой. Портье за стойкой увлеченно читал газету о спорте. В холле было пусто, скорее всего было время ужина. Он шутливо позвонил в колокольчик. Не поднимая глаз, портье отложил газету и снял очки.

— Кого я вижу! Мальчик мой, какими судьбами?

— Очень уж по тебе соскучился!

— А кто эта прекрасная леди?

— Меня зовут Эльвира, — не растерялась она.

— Очень приятно, Константин Павлович, — представился он.

— И мне приятно. Будем знакомы.

— Кирилл рассказывал вам, как он тут был местной знаменитостью?

— Еще нет, но мне очень интересно будет узнать об этом.

— К нам в гостиницу приезжали лишь для того, чтобы услышать его голос.

— Константин Палыч, не стоит...

— Правильно, мой мальчик. Скромность украшает человека.

— Нам бы номер... Только подешевле.

— Ты что! Разве я стану брать с тебя деньги? Сейчас подберем вам шикарные апартаменты.

Номер был действительно превосходным. Кроватей (по просьбе Эльвиры) было две, возле стенки стоял кремовый комод, все было выдержанно в светлых нежных тонах, а вид из окна открывался на городской парк.

— Здесь очень красиво, — только и сказала она.

— Я рад, что вам понравилось. Сейчас в ресторане ужин, но если вы хотите немного

отдохнуть...

— Нет-нет, мы скоро спустимся.

Портье вышел, и они принялись раскладывать вещи. Затем они по очереди умылись и поспешили вниз, так как оба за последние два дня почти ничего не ели.

— Раньше здесь превосходно готовили. Я был готов работать за еду.

— Думаешь, что-то изменилось?

— Не знаю. Это было три года назад.

На ее взгляд ресторан показался самым красивым местом во всей гостинице. Белые узорчатые скатерти, стулья и столы под цвет золота, свечи, приглушенная классическая музыка, дамы в элегантных платьях; на миг ей даже стало неловко в брюках и простой блузке. Их проводили к столику и предложили ознакомиться с меню.

За три года персонал сильно поменялся. Кирилл не узнал в новых официантах своих старых друзей.

— Расскажи о том времени, когда ты здесь работал.

— Я пел в этом ресторане. Вот и весь рассказ.

— Не буду настаивать.

— Нет, просто на самом деле это было не лучшее для меня время.

— ...

— Моя младшая сестра лежала в этом городе в больнице. Я жил здесь, чтобы постоянно навещать ее и оплачивать лекарства. Но...

Она внимательно слушала его, не задавая лишних вопросов.

— Мне приходилось петь и улыбаться, никому бы не понравился певец с кислой миной. А после надо было бежать в больницу и улыбаться там, чтобы не расстраивать сестру. На самом деле, это было не так просто. С каждым днем она выглядела все хуже и хуже.

— Чем она болела?

— У нее была лейкемия. Тогда она казалась мне самым сильным человеком на свете.

Она смешила меня и постоянно хохотала, а я сидел с натянутой улыбкой, думая о том, как бы ни заплакать. Ей сделали операцию, но в сознание она так и не пришла. Через несколько дней ее не стало.

— Мне очень жаль...

— Все в порядке. С тех пор я пообещал себе, что больше не вернусь сюда.

— Но почему тогда ты снова здесь?

— Потому что когда-то я был здесь счастлив. Меня окружали настоящие друзья и работа, которая доставляла сплошное удовольствие. За год я привык к этому месту, чего не случалось раньше. И еще хотел показать этот город тебе.

— Мне он уже начинает нравиться, — улыбнулась она.

Расплатившись за ужин, Кирилл понял, что на второй такой пир желудка у него не хватит средств. Тогда ему пришла в голову идея, после осуществления которой им не пришлось бы голодать.

— Что? Я буду петь?

— И танцевать.

— Танцевать?

— Нам нужно заработать на еду и на билеты, иначе мы не сможем отправиться дальше.

— А если я не умею?

— Тебе придется импровизировать.

На следующий день они отправились в детский театральный кружок, чтобы раздобыть концертные костюмы. Портье договорился о том, чтобы им разрешили выступить в ресторане, а старая знакомая Кирилла из типографии помогла напечатать афиши в надежде на то, что кто-то вспомнит певца из ресторана, внезапно пропавшего три года назад.

В гардеробе, где хранились театральные костюмы, были и зайчики, и белочки, тулуп Деда Мороза и платье Снегурки, но не было ничего подходящего для Кирилла и Эльвиры.

— Не расстраивайтесь, сейчас что-нибудь придумаем.

— Мила, все в порядке, мы поищем в другом месте.

— Кирилл, ты меня обижаешь. Идемте за мной.

Когда-то давно здесь был настоящий театр. Мила работала в нем уже двадцать лет и помнила те времена, когда в гримерках молоденькие актрисы пудрили свои носики, а кавалеры поджидали их около черного входа, но были и такие смельчаки, которые ждали прямо около парадной двери. Потом открыли новый театр, а это здание отдали под дом культуры. Многие тогда ушли работать в театр, но Мила решила остаться, и не пожалела об этом. Ей было пятьдесят два, и она была немного полноватой, но ее игривый взгляд и обворожительная улыбка затмевали все недостатки.

Они прошли в комнату, где раньше были гримерки, из старого комода Мила достала пару платьев и костюм.

— Вот, примерьте, — сказала она, протягивая одежду, — Эти костюмы остались еще со времен театра.

Одно платье подходило для образа цыганки, другое же — для знатной дамы семнадцатого века.

— Спасибо, Мила. Мы их возьмем.

— Может, останетесь на чай?

— Нет, спасибо. Как-нибудь в другой раз.

— Знаю я тебя, исчезнешь как тогда...

— Не нужно...

— Я очень волновалась за тебя...

— Обещаю, больше не пропаду!

Вечером в семь часов должен был состояться их дебют. Кирилл настраивал гитару, а Эльвира пыталась разучить песню. Она думала, что это — глупая затея, ведь до этого она никогда не пела и даже не участвовала в школьных сценках.

— Послушай, Кирилл, может...

— О чем ты?

— Может, ты выступишь без меня?

— Испугалась? Не переживай, все будет отлично!

— Но...

— Никаких «но».

Эльвира молча с ним согласилась: раз уж пустилась в эту авантюру, так придется идти до конца.

Эльвира остановилась на образе цыганки, каштановые волосы она накрутила в воздушные локоны и немного подкрасила глаза и губы, что в обычной жизни делала очень редко. Кирилл был в элегантном черном костюме, правда, было заметно, что этот костюм уже отслужил свое, но его это несколько не смущало. Последним штрихом в образе Эльвиры стал цветок розы, приколотый сбоку к волосам, такой же она приколотла к костюму Кирилла.

— Мы — прекрасная пара, — заметил он, — Ну, в смысле — мы отличный дуэт.

В ресторане, несмотря на афиши, посетителей было немного. Эльвира облегченно вздохнула. Они пели песню, которую написал Кирилл, переделав ее на цыганский лад. Эльвира, преодолев смущение, кружилась и танцевала, прихлопывая в ладоши, искренняя радость передалась и зрителям, которые, встав из-за столиков, хлопали в такт музыке. Их не хотели отпускать со сцены, и, спев еще одну песню на бис, уставшие, они пошли в свой номер.

— Ты — настоящая звезда, — сказал он.

— Да что ты, если бы не ты...

— Нет, ты прекрасно пела. Я всего лишь подпевал тебе.

Она громко рассмеялась, забыв про усталость. Эмоции переполняли ее, и казалось, она снова пустится в пляс.

Эльвира проснулась около двенадцати и обнаружила, что одна в номере. Умывшись холодной водой, Эльвира чувствовала себя так, будто родилась заново. На прикроватной тумбочке в простой белой вазе из фарфора красовались пышные ветки жасмина. И как она могла их не заметить? Ведь аромат жасмина наполнял всю комнату. Сбоку на ленточке красовалась маленькая открытка, она поспешно отвязала ее, чтобы прочесть.

«Ты ярче любой звезды на небе»

Вот и все, что было там написано. Эльвира улыбнулась и поставила вазу на комод.

Так началась история, которую она уже никогда не сможет забыть. Через две недели они сели в поезд и отправились в другие города, к другим людям, в поисках новых ощущений. Он почти каждое утро дарил ей цветы, и чаще всего это были ветки жасмина. Они пели на площадях, в парках, в ресторанах. Зарабатывая неплохие деньги, они спускали все за раз в дорогих ресторанах, чувствуя себя истинными аристократами. Он подарил ей черное шелковое платье, в котором она выглядела, как настоящая леди. Они

жили одним днем, и каждый день был как праздник. Они пили дорогие вина и ели изысканные блюда, но временами их желудки сводило от голода, так как они совершенно не умели экономить, или попросту не хотели этого делать. Где-то в глубине души каждый из них понимал, что праздник не может длиться вечно, но больше всего они боялись признаться в этом самим себе.

Двенадцатого февраля она впервые увидела того, кто впоследствии стал ее мужем. Летящий снег обжигал лицо, но она не чувствовала холода. Он куда-то спешил и прикрывал голову папкой от документов. Она, стоя на мосту, наблюдала за ним сверху. Он показался ей неуклюжим чудаком в сером плаще, который был размера на два больше. Эльвира без капли стеснения громко засмеялась, когда его папка упала в еще незамерзшую лужу. Он, оглядываясь по сторонам, пытался поймать разлетевшиеся в разные стороны копии документов.

— Эй, смотри, вон там! — она указала пальцем на лист, который, подхваченный ветром, летел к реке.

Он успел поймать его и принялся укладывать намокшие листы в кожаный портфель.

— Спасибо вам! — крикнул он девушке на мосту, но ее уже там не оказалось.

Насквозь промокшая, она медленно шагала по тротуару. Ей не хотелось домой. С тех пор, как она вернулась, униженная как собачонка, ей было все равно, что о ней подумают люди. Эльвира целыми днями пропадала на улице, часами стояла на мосту и бесцельно смотрела вниз. Она могла разрыдаться у всех на виду, закричать или вовсе не разговаривать целыми днями. Люди шептались, что она спятила. Но никто не знал, что чувствовала та, которую снова швырнули в клетку. С этого моста просматривался почти весь город, но главное — отсюда был хорошо виден вокзал. Эльвира ждала и

надеялась, что вот-вот он вернется, что он заберет ее, и она простит ему все на свете. Вглядываясь в толпу, Эльвира пыталась уловить его походку, разглядеть хоть в ком-то его черты лица, вновь почувствовать его запах. Она и сама себе казалась сумасшедшей, но жить как раньше уже не получалось.

Когда, через семь месяцев она сообщила, что выходит замуж, ее мать уронила керамическую вазу. Она не могла поверить своим ушам. В глазах отца, который сильно постарел за эти месяцы, снова загорелся огонек надежды. Претендент на руку и сердце дочери оказался очень достойным. Он заканчивал аспирантуру и преподавал экономику в университете. Он был чуть выше ее, с голубыми глазами и волосами цвета пшеницы.

Эльвира ответила «Да» не от того, что хотела замуж за этого человека, скорее от того, что ей хотелось забыть другого. Он же разглядел в ней ту красоту, которую она так тщательно скрывала. Всю жизнь он любил ее, не требуя ничего взамен, он делал вид, что спит, когда она плакала в подушку, выходил из комнаты, когда она была не в себе, и оберегал ее как хрупкий цветок. Он называл ее пташкой даже спустя много лет, хотя сам редко слышал ласковые слова в свой адрес.

* * *

Эльвира больше не плакала. Она сидела на полу посреди комнаты все в том же черном платье и с платком на голове. Ей казалось, что она упустила свою жизнь из-за несбыточной мечты. Она упрекала себя в том, что не слишком сильно любила дочь, что была холодна с мужем, и что всю жизнь ждала, что Он ее заберет. Она словно так и стояла на том мосту, глядя вдаль.

Последняя их встреча произошла ровно двадцать лет назад. Он отыскал ее и утром всю дорогу следил за ней, пока она шла на работу. Эльвира заподозрила, что что-то не так и ускорила шаг. Он же шел за ней по пятам словно тень. Целый день он ждал, пока она выйдет, спрятавшись за деревьями. Он почти был уверен в том, что хочет провести с ней остаток своей жизни, и не сомневался, что она его простит.

Эльвира ушла с работы немного раньше, чтобы успеть купить торт ко дню рождению дочери. Около дверей здания лежала веточка жасмина, и ей стало не по себе. Недалеко от нее лежала вторая, еще дальше третья. Внешне Эльвира выглядела более чем спокойно, но внутри у нее все содрогалось.

Когда он вышел из-за дерева, ей хотелось развернуться и бежать как можно дальше.

— Здравствуй.

— Зачем ты пришел?

— Я пришел за тобой.

От этих слов внутри нее что-то перевернулось.

— Ты не думаешь, что это звучит глупо? Мы уже не дети.

— Я рад тебя видеть.

— Мне нужно идти.

— Я вернулся за тобой.

— Я замужем.

— Я предполагал, что такое возможно. Но признаюсь честно, все же надеялся, что это не так.

— А ты по-прежнему покоряешь города?

— Нет. Поэтому и приехал за тобой.

— ...

— Знаешь, тогда я...

— Не надо. Не объясняй. Я не хочу знать, что у твоего поступка есть разумное объяснение.

— Ты позволишь пригласить тебя в ресторан? Просто по-дружески.

— Я не уверена, что это нужно.

— Тогда давай немного посидим на той скамейке? — он указал на деревянную скамью под пожелтевшей березой.

Разговор совсем не получался. Она не хотела рассказывать ни про мужа, ни про дочь. Но хуже всего то, что ей на миг захотелось, чтобы не было ни мужа, ни дочери.

— Мой друг предложил организовать небольшой магазинчик.

— Хорошая идея.

— Думаешь?

— Угу.

— Мы будем продавать спортивное снаряжение и инвентарь.

— Здорово.

— Ты не хотела, чтобы я это говорил, но я хочу, чтобы ты знала. В тот день, когда я тебя оставил на вокзале, мне сообщили, что мой друг сорвался с горы. Прости, что я не

вернулся. Я знаю, что говорю это слишком поздно, но сейчас мне стало немного легче.

Эльвира попыталась проглотить ком в горле. Ничего не говоря, она встала со скамьи и быстрым шагом пошла прочь, мечтая лишь о том, чтобы он не попытался ее догнать. Но он даже не шелохнулся. Он просто отпустил ее.

Слезы застилали глаза, она бежала домой, не видя дороги. Забыв про день рождения дочери, она закрылась в ванной и вышла только тогда, когда все уже спали.

* * *

Сейчас, когда его не стало, в ее душе поселился северный ветер. Она смотрела на себя со стороны и ненавидела. В день его похорон ее дочь сообщила, что ждет ребенка, а она даже не смогла искренне порадоваться. Она все упустила и только сейчас осознала это.

— Пташка моя, ты дома? — спросил только что вошедший в квартиру муж.

— ...

— Что с тобой?

— Милый, все в порядке, — сказала она, срывая платок с головы, — Я хочу тебя поздравить.

— С чем? — удивился он.

— Ты скоро станешь дедушкой!